

А.А. Пауткин

Древнерусская книжность: историко-литературные альтернативы

Аннотация: Автор анализирует памятники древнерусской книжности, не соответствующие общим тенденциям развития повествовательных форм той эпохи и предлагает рассматривать их как свидетельство нереализованных потенций – знаки тех литературных тенденций, которые не были реализованы в силу ряда объективных и субъективных причин.

Ключевые слова: древнерусская книжность, «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Моление» Даниила Заточника, «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о Петре и Февронии», повествовательная, историческая, агиографическая литература, светский биографизм, автор и текст, элементы автобиографизма

Abstract: The author analyzes the monuments of ancient Russian bookishness that do not meet the general trends in the development of narrative forms of that epoch and treats them as illustrations of unrealized potential – manifestations of the literary trends that were not implemented due to a number of objective and subjective reasons.

Key words: Ancient Russian bookishness, «Pouchenie» Vladimira Monomakha, «Slovo o polku Igoreve», «Molenie Daniila Zatochnika», «Slovo o pogibeli Russkoj zemli», «Povest' o Petre i Fevronii», narrative, historical, hagiographic literature, secular biography, author and text, elements of autobiography

В практике преподавания древнерусской литературы при характеристике системы жанров мы обычно отмечаем целый ряд памятников, которые не встраиваются в традиционную картину развития повествовательных форм. Вне зависимости от того, придерживаемся ли мы лихачевской концепции¹ или нет, склоняемся ли к идеям Р. Пиккио о литературе Slavia Orthodoxa² или опираемся на какие-то иные модели, все равно, давая общую характеристику сохранившемуся до наших дней литературному наследию, приходится упоминать эти выдающиеся произведения. «Поучение» Владимира Мономаха,

¹ В данной статье не затрагиваются дискуссионные вопросы существования системы жанров в литературе Древней Руси. В настоящее время имеется ряд точек зрения на эту проблему, оспаривающих положения теории Д.С. Лихачева.

² См., например: Пиккио Р. Slavia Orthodoxa и Slavia Romana // Пиккио Рикардо. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 3–82.

«Слово о полку Игореве», «Моление» Даниила Заточника, «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о Петре и Февронии» и некоторые другие памятники заставляют медиевиста искать своеобразное оправдание с позиций соотношения с традицией, функцией в жизни средневекового общества, стилистическими топосами и т. д. При построении курса древнерусской литературы непременно отмечается, что эти яркие произведения не подходят ни под один жанровый стереотип.

Каждая встреча с таким материалом вызывает потребность обратить внимание на подобные «сбои» в проявлении того, что именуется спецификой средневековой литературы. Эти тексты нуждаются в особом толковании, встраивании в круг явлений, соответствующих «норме». Поиск различных аналогий в этом случае обязателен и методически оправдан. Произведения, воспринимаемые сегодня как некие художественные вершины, сохранились, как правило, в ограниченном количестве списков и приобрели особую влияние уже в культуре нового времени. Возможен иной взгляд на эти произведения. Что если расценить их как свидетельство нереализованных потенций, знаки литературных тенденций, не обретших свободу и продолжение, точки несостоявшегося поворота?

Что дает такой подход к изучаемому материалу и как его можно обосновать? Во-первых, подобные «мечтания о прошлом» гораздо отчетливее передают традиционные особенности средневековой книжности. Во-вторых, это одна из дополнительных возможностей уловить ускользающий литературный процесс эпохи, хотя бы немного отступить от привычной периодизации, основанной на обществоведческих и географических критериях, по-иному классифицировать хорошо известные литературные явления¹. Подобные рассуждения ограничено уместны и при компаративистических наблюдениях. Речь, конечно, идет не о подчеркивании проявлений историко-литературной случайности, а об обозначении культурных перекрестков. Под таким углом зрения отчетливее видны судьбы литературной традиции, ее пересечения и развитие при переходе из одного центра книжности в другой, а также синтез различных элементов при формировании оригинальных текстов.

Хотя историзм древнерусской литературы более чем очевиден, бессмысленно говорить в сослагательном наклонении о самих событиях, формировавших содержание тех или иных произведений и даже групп произведений. Например, что представлял бы собой борисоглебский цикл, если бы Святополк «светился братолюбием». Или как выглядели бы памятники Куликовского цикла, если бы верх одержал Мамай. Речь совершенно об ином. Нас интересуют обстоятельства собственно литературной жизни, позволяющие заметить нереализовавшееся обновление или возможности вариативности дальнейшего движения. Конечно, в определении точек бифуркации есть

¹ На рубеже XX–XXI вв. оживился интерес к проблемам периодизации древнерусской литературы. Однако в появившихся работах не было предложено какой-либо концепции, которая могла бы быть принята медиевистами в качестве универсального инструмента.

элемент субъективности, ведь фактической реализации иных векторов литературная история нам не предоставила. Объективности ради отметим, вдобавок мы оказываемся в плену аксиологических представлений нового времени, словно бы сожалея о несостоявшемся.

Семивековая ретроспекция дает объективно сложившуюся последовательность фактов литературной жизни. Между тем элемент описания нереализованных возможностей присутствует и при вполне традиционном хронологическом изложении материала. Например, когда рассуждают об отсутствии древнего жития Антония Печерского или о не получившем развития маририи – летописном известии об отце и сыне варягах, сохраненном ПВЛ под 983 г. И вообще существует множество гипотез, реконструкций, в том числе текстологических, при изучении рукописной истории того или иного памятника.

Теперь несколько слов о рациональных основаниях подобного не строго рационального взгляда. В одной из своих статей, названной «Клио на распутье», Ю.М. Лотман справедливо замечал, что «в области искусства и предсказание, и одновременное сотворение идентичных объектов – вещи практически невозможные». Это сфера, где история «предстает как огромное множество альтернатив, выбор между которыми осуществляется интеллектуальной и волевой силой человека»¹. Сказанное всецело относится к литературе нового времени. Рассуждать об иных путях литературного процесса тут просто невозможно. Иное дело – Средневековье, где архаическое творчество зиждется на традиции, каноне, прецеденте, поэтике «готового слова», а ретроспективная историческая аналогия – один из важнейших принципов культуры эпохи. Словом, закономерное тут почти не оставляет места случайному.

По справедливому определению А.М. Панченко, история литературы Древней Руси «строится всегда как история памятников, текстов, а не как набор медальонов с профилями художников»². В связи с тем, что роль авторского начала здесь ограничена, высока степень предопределенности процесса. Поэтому обозначение точек бифуркации имеет под собой некоторые основания. Однако подобная версия не может претендовать на полноту и исчерпанность, даже несмотря на то, что всякая последовательность творческих актов в средние века не личностна, а корпоративна.

Средневековое – время, прежде всего, литургическое и аграрное. Стремление к выстраиванию ретроспективных аналогий – проявление ранней стадии исторических представлений. Оно цементировало традиционность культуры. И, несмотря на то что «у христиан священными книгами являются книги исторические»³, формирование историко-литературных представлений, по крайней мере в России, происходит уже в новое время. Примерно из пятидесяти поколений наших писателей и читателей только пятнадцать в разной степени осознавали литературно-художественную эволюцию и хро-

¹ Лотман Ю.М. Клио на распутье // Наше наследие. 1988. №5. С. 3.

² Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. СПб., 2008. С. 386.

³ Блок Марк. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 6.

нологию. Отсутствие в Древней Руси теоретических и историко-литературных рефлексий дает дополнительные основания для поиска альтернативных тенденций.

Обозначим отдельные моменты, которые могут рассматриваться под предложенным углом зрения. Еще В.М. Истрин, рассуждая о «внутреннем влиянии византийской литературы на древнерусскую»¹, замечал: «Можно было бы ожидать, что ближайшее влияние на возникновение самостоятельных произведений окажет переводная повествовательная литература, которая... появилась очень рано, таковы, напр., “Повесть об Акире” и “Александрия”. Однако... здесь самостоятельности не проявилось... они не побудили древнерусского книжника создать из русской жизни какую-либо повесть вроде “Александрии”»².

Это же можно сказать и об «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. Все ограничилось вольностями славянского перевода, воздействием на формирование стиля воинских повестей. Переводной трактат Георгия Хиробоска «Об образех», содержащийся в «Изборнике» Святослава 1073 г., судя по всему, не вызвал особого интереса и подражания. Лишь в XVII в. наступит черед поэтик и риторик.

Почему «Слово о Законе и Благодати» не повлекло за собой череду изысканных произведений эпидектического красноречия? Сочинение Илариона, знаменующее начало нашей литературы, по признанию самого автора, адресовано людям «преизлиха насытышимся сладости книжныя». Вот загадка сложности и смысловой, и формальной. «Слово» оказало влияние на позднейшие произведения разных жанров и регионов. Но рецепция главным образом касается самой простой и функционально ориентированной части текста. Это похвала Владимиру Святославичу. И вольнские, и московские книжники воспользовались именно этим фрагментом. Проповедники выдающегося таланта будут творить и в последующие века, однако ничего подобного не появится вплоть до петровского времени. А ведь могла сложиться интересная литературная традиция.

Каким могло бы стать историческое повествование, не прервись традиция, наметившаяся на юго-западе Руси еще на рубеже XI–XII вв. («Повесть об ослеплении Василька Теробовльского»), а затем во всей красе явленная в середине XIII в. («Летописец» Даниила Галицкого)? Возможно, продолжилось бы движение по пути светского биографизма с очевидными признаками авторской индивидуальности. Ведь северо-восток Руси закреплял совершенно иные повествовательные формы.

Говоря о «Поучении» Владимира Мономаха, обычно пытаются встроить его в мировую литературу отеческих поучений. А ведь тут кроется мощнейшая энергия будущего. Она вырвется лишь спустя много столетий. Это ав-

¹ Истрин В.М. Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). М., 2003. С. 35.

² Там же. С. 33.

торское произведение, содержащее элементы автобиографизма, созданное первым светским писателем; имеет место объединение текстов конкретного автора в некое «собрание сочинений» («Повесть временных лет» под 1096 г.) и т. д. Византийски образованный князь-книжник мог открыть новое направление в нашей книжности, сопоставимое с деятельностью Михаила Пселла, Михаила Атталиата, Анны Комниной и других. В этом случае по-иному выглядела бы жанровая система и соотношение литературы-дающейницы и литературы-восприемницы. Сочинения, подобные текстам князей-мемуаристов эпохи Смуты, могли появиться гораздо раньше.

«Моление» Даниила Заточника – знаковый момент в истории взаимодействия книжного и устнопоэтического начал. Удивительный синтез высокого и низового не стал основанием для дальнейшего освоения этой области словесного искусства задолго до шедевра, принадлежащего перу Ермолая – Еразма («Повесть о Петре и Февронии»).

Если обратиться к сюжетосложению, то, конечно, трудно пройти мимо Киево-Печерского патерика, дающего поразительный пример романического начала. Еще А.Н. Веселовский упоминал о «романических приемах» в переводных житиях¹. Рассказ о Моисее Угрине и его польской истязательнице, движимой страстными побуждениями, заключал в себе огромные нереализованные возможности. Неогляден разрыв во времени между этим повествованием и бытовой повестью конца XVII в. И тем не менее похождения Саввы Грудцына и Фрола Скобеева легко сближаются с сюжетом об иноке и любопытной паненке.

В свое время Д.С. Лихачев, рассуждая о профессионализме в литературе, писал: «Один из первых профессиональных писателей – это Пахомий Серб, но в дальнейшем профессионализм удерживается лишь на уровне переписчиков рукописей. Профессионализм вновь возрождается в XVII в.»². Факты, подтверждающие необычность деятельности Пахомия, приводил и Л.А. Дмитриев³. Следует упомянуть и тверского инока Фому, создавшего прижизненную похвалу князю Борису Александровичу (1453). Как бы могло выглядеть книжное сообщество, если бы авторское самосознание получило на рубеже XIV–XV вв. более отчетливое выражение?⁴ Вспомним хотя бы послание Елифания Премудрого Кириллу Тверскому. К сожалению, письмо, содержащее личный взгляд агиографа на художество, – достаточно слабое свидетельство на фоне официальной книжной практики.

¹ См.: *Веселовский А.Н.* Из истории романа и повести. Вып. I. СПб., 1886, С. 29–31.

² *Лихачев Д.С.* Прошлое – будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 179.

³ *Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII–XVII вв. С. 264–265.

⁴ Вопрос авторского самосознания исследовала Е.Л. Конявская. См.: *Конявская Е.Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – сер. XV вв.). М., 2000.

Иначе могла бы выглядеть и «линия расширения мирового опыта литературы»⁵. На это со всей очевидностью указывают тексты «русского зарубежья» XVI–XVII вв. Ведь обличительные и нравоописательные сочинения Андрея Курбского и Григория Котошихина, созданные для европейского читателя, обладают признаками, отличными от текстов, созданных на Руси. Оказавшись на чужбине, эти авторы идут по пути создания новых форм. Иноземцы же, попавшие в Московию, напротив, практически не могли повлиять своим творчеством на русских книжных людей, прежде всего из-за профессиональных препятствий. Например, сонеты Пауля Флеминга, путешествовавшего с Адамом Олеарием и прожившего только в Новгороде около полугода, будут переведены Сумароковым лишь в 1755 г. А о трагической судьбе мистика Квирина Кульмана и его сочинений и говорить не приходится. Лихачев в связи с этим констатировал: «Все-таки опыт, который имела русская литература, был опытом ограниченных географических границ»⁶.

В приведенных рассуждениях вовсе не следует усматривать своеобразную ревность медиевиста к исследователям литературы новой или желание иметь другую историю древнерусской литературы, но, отраженная в зеркале литературы новой, древнерусская книжность становится понятней обратившемуся к ней читателю. Если история литературы не только изложение по порядку, а попытка ретроспективного объяснения связей и факторов эволюции, то форма условного наклона лишь один из способов оттенить господствовавшие на протяжении семи столетий закономерности и процессы.

Сведения об авторе:

Алексей Аркадьевич Пауткин,
докт. филол. наук.
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Pautkin,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

---

⁵ Лихачев Д.С. Прошлое – будущему. С. 192.

⁶ Там же. С. 193.